

18+

Александр Антонов

Подкидной агент

Приключенческая
повесть

Александр Антонов

Подкидной агент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51936002

ISBN 9785449858924

Аннотация

Что подвигло меня тогда принять предложение Конторы? Страх перед пресловутой рукой Москвы? Чувство неловкости перед покинутой Родиной, которую я к тому времени уже начал привыкать любить на расстоянии? Мои авантюрные наклонности, которые самым неожиданным образом проявились во время беготни за золотом Колчака? Некоторый творческий застой, в котором я тогда пребывал? Серьёзные личные проблемы, в конце концов? Ответ будет до неприличия банален: всего, знаете ли, понемножку.

Содержание

Сезон дождей (или что-то вроде предисловия)	6
ШПИОН ДУШИСТЫХ ПРЕРИЙ	8
Глава первая, в которой сенатор Корниевский получает новое назначение и спешит поделиться приятной новостью с женой	8
Глава вторая, в которой генералу Сологубу делается предложение, от которого он не может отказаться, поскольку для человека военного предложение начальства равносильно приказу	22
Глава третья, в которой говорится о том, что любая секретная операция начинается с названия	34
Глава четвёртая, в которой говорится о том, что не помешает закончить операцию «Осенний ковбой» до начала Мундиала, и что узнала Лариса Матвеевна Корниевская о причуде мужа	37
Глава пятая, в которой говорится о том, насколько вредной может оказаться любовь к караоке для отношений внутри семьи	41
Глава шестая, в которой говорится о том, что не всякий бывший враг – враг, и не всякое	51

трудно решаемое дело так уж трудно решить	
ДОРОГА В ТОТ КОНЕЦ	59
Глава седьмая, в которой Вяземский встаёт на тропу	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Подкидной агент

Александр Антонов

© Александр Антонов, 2020

ISBN 978-5-4498-5892-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сезон дождей (или что-то вроде предисловия)

Капля неспешно сползала по стеклу, оставляя грязную полоску. Мытьё окон не моё призвание. Если в отстоящее от ближайшего населённого пункта на десятки километров убежище одинокого писателя каким-то ветром занесло бы женщину, то, первым делом, я её к мытью окон и приспособил. Капель меж тем становится всё больше, да и по крыше уже шуршит основательно. Ну, здравствуй, первенец сезона дождей! В этом году ты случился, как и положено, в октябре, а финального собрата твоего следует ожидать где-то после Нового года? Вот уж дудки! Распевать «В лесу родилась ёлочка» в тридцатиградусную жару и под аккомпанемент дождя – покорно благодарю! Найду более достойное место, лучше в Северном полушарии, может, даже в России. Но это погода, а сейчас...

Неоконченная рукопись то ли повести, то ли романа – время покажет – была заброшена мной, употребляя спортивную терминологию, где-то на стадии полуфинала. Почему? Да кто ж его теперь вспомнит. Да и неважно это. Главное, что она вновь открыта, и будет доведена – уж вы мне поверьте! – до нужного формата, и да в помощь мне в том сезон дождей!

Что подвигло меня тогда принять предложение Конторы? Страх перед пресловутой рукой Москвы, и не столько за себя, сколько за близких мне людей там, в России, до которых этой самой руке и тянуться-то особо не надо? Чувство неловкости перед покинутой Родиной, которую я к тому времени уже начал привыкать любить на расстоянии? Нежелание отказать человеку, с которым меня связывали дружеские отношения, и от имени которого мне это предложение и было сделано, притом ещё одним неплохим знакомым? Мои авантюрные наклонности, которые самым неожиданным образом проявились во время беготни за золотом Колчака? Некоторый творческий застой, в котором я тогда пребывал? Серьёзные личные проблемы, в конце концов? Ответ будет до неприличия банален: всего, знаете ли, понемножку. Хотя, знай я тогда подоплёку моего, так сказать, приглашения – отказался бы, несмотря на все помянутые причины!

С чего у них там всё началось? Знать я наверняка того не могу, да на моём уровне это и не положено, но, взяв за основу то, что мне теперь доподлинно известно, вполне могу себе позволить что-то досочинить...

ШПИОН ДУШИСТЫХ ПРЕРИЙ

Глава первая, в которой сенатор Корниевский получает новое назначение и спешит поделиться приятной новостью с женой

– Ерёменко и Корниевский... А что с остальными? Со всем плохи?

Президент оторвал взгляд от лежащих перед ним на столе двух папок и перевёл на сидящего напротив Мороза.

О знаменитом взгляде-рентгене российского лидера говорили с оглядкой и разное. Он-де не раз помогал ему выигрывать дипломатические раунды, вгоняя в оторопь не самых стрессоустойчивых оппонентов, да и более выдержанных заставлял порой чувствовать себя не в той тарелке. Впрочем, теперь рентген во взгляде президента был выключен, оставались лишь заинтересованность и лёгкая ирония.

– Вовсе нет, – Мороз позволил себе чуть улыбнуться. – Некоторые отстали, говоря языком ипподрома, всего лишь на полкорпуса. Могу обосновать своё мнение по каждому.

– Этого не требуется. – Президент, казалось, хотел что-

то добавить, но, похоже, передумал. Мороз терпеливо ждал, когда Хозяин – так за глаза называли президента наиболее приближённые к нему люди – найдёт другое продолжение разговора. – Полкорпуса, говоришь, а эти – президент побарабанил пальцами по лежащим перед ним папкам, – выходит, пришли ноздря в ноздю?

– Точно так, – подтвердил Мороз.

– Но мне нужен только один. – Взгляд Хозяина стал твёрдым. – Кто?

– Зависит от того, какое качество претендента является определяющим.

– А вот теперь обоснуй! – потребовал президент.

– Профессионализм выше у Ерёменко. Он никогда не покидал систему и достаточно давно возглавляет Контору. Корниевский же, когда перешёл на работу в сенат, отчасти из системы выпал. Отчасти потому, что и там (в сенате) продолжает курировать спецслужбы, а сейчас, когда Дронов болен, возглавляет соответствующий комитет.

Президент кивнул в знак того, что это обоснование принято.

– В плане надёжности я бы поставил на Корниевского, – продолжил Мороз. – Ерёменко придерживается более независимых взглядов, хотя в честности обоих у меня никаких сомнений нет.

– Достаточно! – Президент решительно остановил хотевшего продолжить доклад Мороза. – Спасибо за проделанную

работу, Максим Всеволодович! Можете быть свободны!

Мороз встал, пожал протянутую Хозяином руку и покинул кабинет.

**

Президент стоял у окна. Обильные хлопья снега, от которых его отделял лишь стеклопакет, опускались почти отвесно, белым ковром покрывая ещё недавно серый асфальт. Впрочем, это ненадолго. Взвод солдат с мётлами наперевес уже спешил вступить в схватку со стихией. Президент отошёл от окна. «Более независим, говоришь, – припомнил он слова Мороза о Ерёменко. – Спасибо, Максим, ценное наблюдение! Впрочем, ты и сам такой, независимый. Но на твоём посту независимость скорее ценное качество, чем недостаток, а вот для руководителя обновлённой Конторы... – Президент вернулся к столу и решительно убрал одну из папок в ящик. – Потом решим, что с тобой делать, Пётр Петрович!»

**

Российскому сенатору Святославу Всеволодовичу Корниевскому дуться на судьбу было вроде бы и странно, а он дулся. И супруге своей Ларисе Матвеевне со всей откровенностью в том исповедался – сказалась многолетняя привычка.

Исповедальней, как это часто меж ними бывало, послужило супружеское ложе за минуты до того, как отойти ко сну.

– Знаешь, Ларчик, многие, в том числе и ты, считают меня вхожим в ближний круг, сама знаешь кого.

– А разве это не так? – искренне удивилась Лариса Матвеевна. И тут же забеспокоилась. – У тебя что, появилась причина в этом усомниться?

– Причина? – переспросил Святослав Всеволодович, пожал под одеялом плечами. – Вроде нет.

– Чего тогда? Видитесь редко?

– Шутишь, мать? – повернул голову к супруге Корниевский. – Да я его по телевизору десять раз на дню лицезрю!

– Мне непонятен твой сарказм, Слава! – поджала губы Лариса Матвеевна.

– Прости, Ларчик. С телевизором я действительно слегка перегнул, – согласился Святослав Всеволодович. – Но лишь слегка. Суди сама. Да, мы пересекаемся на совместных мероприятиях. Всегда здороваемся. Иногда даже перекидываемся парой слов.

– Насколько мне известно, не всегда парой. Помнится, ты говорил о нескольких аудиенциях?

– Ну, да, да, – вынужден был согласиться Корниевский. – Но каждый раз по моей инициативе, коротко и по делу!

– Другие люди твоего ранга и на такое рассчитывать не могут, – резонно заметила Лариса Матвеевна. – Впрочем, я, кажется, поняла. Сетуешь на пропажу особых личностных от-

ношений? Но и тут ты не совсем прав...

– Да какой там неправ! – горестно усмехнулся Святослав Всеволодович. Ещё в прошлом году он заезжал к нам в гости, не припомню, по какому случаю...

– На мой день рождения.

– Точно! Пусть на короткое время, но лично! А в этом году ограничился уже видеозвонком. Если так пойдёт дальше, в следующем году доставят всего лишь букет с открыткой. – Корниевский рывком приподнялся на локте, нависнув над лежащей на спине женой. – Считаешь, что я не прав?

– Прав, прав, – успокоила раздухарившегося мужа Лариса Матвеевна. – Утешает одно: ему друзья по статусу не положены. А про тебя он обязательно вспомнит, как только возникнет подходящее дело. И давай-ка спать!

**

Пока супруги Корниевские почивают, перенесёмся, дорогой читатель, на несколько десятков лет назад, где в городе, носящем тогда ещё имя Ленина, в выходящей окнами на Мойку просторной адмиральской квартире проходил непростой разговор. Несмотря на то что семейство было дружным, три места за круглым столом пустовали. По вполне уважительным причинам отсутствовали мужчины. Глава семейства в служебном кабинете в Адмиралтействе устраивал дежурный разнос нерадивым подчинённым. Каждый

из двух его сыновей бороздили на своих кораблях один южные, другой северные широты мирового океана. Так что в квартире оставались самая младшая из женского состава: сестра и дочь Лариса и самая старшая: жена и мать Светлана Сергеевна. Разговор меж ними действительно шёл и непростой, и важный. Обсуждалась кандидатура в мужа для Ларисы. Желавших расписаться в книге актов гражданского состояния о заключении брака с одной из самых завидных невест Ленинграда поначалу было достаточно много. Пока на горизонте не возникли два друга, которые, не распадаясь из тандема, принялись весьма решительно отсекаать, пытавшихся бороться в одиночку, Ларисиных ухажёров. И хотя у обоих на лацканах модных пиджаков поблескивали новенькие университетские значки, маячившая за спинами тень всемогущего КГБ была их усилиям в помощь. Ларисе было интересно, да и лестно наблюдать за развернувшимися около её персоны событиями, к тому же ребята ей нравились. С одобрением наблюдала за битвой самцов и Светлана Сергеевна. Она же посоветовала дочери пока не отдавать никому из друзей предпочтения. Но вот последний лишний уступил в неравной борьбе, и настала пора определиться, кому Лариса наденет на голову венок победителя (или хомут на шею, это уж кому как больше нравится). Предоставить ребятам самим решить, кто круче, Светла Сергеевна допустить не могла – последнее слово в этом щепетильном вопросе всегда должно оставаться за женщиной.

– Скажи, Лариса, ты уже выбрала, за кого хочешь выйти замуж?

Смутившаяся дочь лишь низко наклонила голову и помотала ей из стороны в сторону.

Светлана Сергеевна облегчённо вздохнула, но так, чтобы Лариса этого, разумеется, не заметила.

– Если бы, дочь, ты ответила иначе, я не стала бы тебя отговаривать – последнее дело для матери рвать сердце своей кровиночке. Но коли твоё сердечко само ещё не определилось, я бы посоветовала остановить выбор на Славе.

Лариса подняла голову и с удивлением посмотрела на мать. Видно, не такого совета ждала она от неё.

– В отличие от своего очень самостоятельного друга, у Славы, при всей его харизме, очень мягкое сердце. В умелых женских руках, да при бережном обращении, из него, а, значит, и из Славы можно вылепить великолепного мужа: добытчика и семьянина!

– А разве... – начала Лариса.

– Нет, покачала головой Светлана Сергеевна. – Он может и шагнёт дальше Славы, но только добьётся всего сам, жена ему для этого не нужна. А значит и роль твоя в семье будет вспомогательная.

Лариса тогда послушалась мать и ни разу о том не пожалела. Славин друг стойко принял отказ и довольно скоро женился. Какое-то время пути мужчин шли параллельно.

Подружились и жёны. Вместе отмечали почти все праздники, почти синхронно рожали детей. С каждым годом Лариса убеждалась в правоте слов матери. Если Святослав, сам того не замечая, во многом жил её советами и ничуть от того не страдал, его друг жену до своей работы практически не допускал, оставив ей пресловутые Küche, Kinder, а с началом перестройки и Kirche тоже.

Занимаясь одним делом долго двигаться по служебной лестнице параллельно просто невозможно. В этот день Святослав пришёл с работы в крайне дурном настроении. Чтобы выяснить причину больших усилий Ларисе прилагать не пришлось. Друга повысили в должности, а это пахивало и внеочередным званием тоже. Слава, видимо, ожидал от жены утешений, но услышал совершенно другое.

– А что тебя удивляет? Рано или поздно такое должно было случиться!

У Славы округлились глаза. – Нормально! Ну, спасибо тебе, жёнушка! То есть я, по-твоему, для этой должности умом не дорос?!

Видя, что мужик закипает, Лариса поспешила обнять мужа. – Дорос, Славочка, дорос, умом я имею в виду. Но только дело тут не в уме, вернее, не только в нём.

– Хочешь сказать... – нахмурился Святослав.

– Ты про нечестную игру? – догадалась Лариса. – Нет, всё по чесноку.

– Тогда я тебя не понимаю, – Слава вывернулся из объёма

тий.

– Просто наш с тобой друг – птица более высокого полёта, чем ты, уж извини!

– Так просто? – буркнул Слава.

– Да, так просто! И, помяни моё слово, летать наш друг будет всё выше и выше. А для нас самое разумное никак ему в этом не препятствовать, а тебе даже и помогать, пока он рядом, и как другу, и как начальнику.

Напророчила тогда Лариса в цвет. И друг про них не забыл. Тянул за собой. Нет, Корниевский был человеком, безусловно, способным и доверие отработывал с лихвой. Но всё-таки без такой протекции не занял бы высокого поста в силовых структурах, а уж сенатором точно не стал.

«Хорошо когда жена ведьма, – думал Корниевский, удобно расположившись на заднем сидении мчавшего по Москве автомобиля. – Неделя не прошла с того разговора и вот оно приглашение в Кремль!»

В приёмной сенатору ждать не пришлось, его тут же пригласили войти. Встретил его хозяин кабинета как старого друга, усадил в мягкое кресло возле низкого накрытого к чаю столика, – более крепких напитков здесь принципиально

не предлагали – теперь вот расспрашивал о семье. Разомлевший от приятных ощущений Корниевский не сразу уловил переход от прелюдии к делу.

– Вернуться на службу? Куда?

– Ну не на кудыкину же гору! В органы. Чего скис? Что не так?

– Да нет... всё, наверное, так. Просто ты сам, когда вместо того, чтобы утвердить меня начальником главка, задвинул в Совет Федерации, говорил, что на этом месте я нужнее. Выходит, теперь нужда отпала?

– Я ведь тебе тогда не только назначение, но и присвоение очередного звания обломил? Так ведь сенатор поважнее начальника главка будет, да и генерала ты потом получил, пусть и находясь в запасе. Разве не так?

– Так, – нехотя подтвердил Корниевский.

– Слушай, а может ты к тёплому креслу прикипел? Так я тебя тиранить не буду. Мне надёжные люди в сенате по-прежнему нужны, правда, не так, как тогда... Так что? допьем чаёк и разбежимся?

Но Корниевский уже пришёл в себя.

– Да нет. Раз нужно возвращаться в органы – согласен возвратиться! Какой главк прикажешь возглавить? Надеюсь, в Москве или Питере?

– Другой разговор, – улыбнулся президент. – В Москве. И не главк... – президент выдержал паузу, – Контору!

– А чем тебе Ерёмченко не угодил? – понимая, что спра-

шивает лишнее, не удержался от вопроса Корниевский.

Президент осуждающе покачал головой, но, видимо, решил списать бестактность Корниевского на растерянность.

– На данный момент генерал-полковник Ерёменко на посту директора Конторы меня устраивает вполне. Просто в ближайшее время Контора будет реорганизована в сторону расширения и увеличения полномочий. А на таком посту мне будет нужен не просто честный профессионал, а ещё и свой в доску. Понимаешь?

– Понимаю, – сглотнул слюну Корниевский.

– Тогда давай говорить более предметно...

... – По структуре обновлённой Конторы вопросы остались?

– Только один.

– Слушаю.

– Ты ничего не сказал о Департаменте Особых Операций при Администрации Президента.

– Не сказал, потому что ведомство Мороза, как было подомной и над всеми вами, так и останется. Так что в ту сторону губу, Слава, не раскатывай.

Президент посмотрел на обиженное лицо Корниевского и от души рассмеялся. Потом подошёл к рабочему столу, взял какую-то бумагу и протянул Корниевскому. – Держи подсласти пилюлю!

Указ о присвоении ему воинского звания генерал-лейте-

нант начисто растворил неприятный осадок, оставшийся после совета закатать губу.

– И последнее, вернее, первое поручение к твоей будущей должности. Загляни в МИД, у них там какая-то шпионская история приключилась. Коли дело будет того стоить создадим межведомственную группу с тобой во главе. Будет разминка перед более ответственной работой!

**

Прямой приказ президента: новое назначение и всё, что с этим связано, ни с кем пока не обсуждать на жену Корниевского по его глубокому убеждению не распространялся. Вечером в спальне вызов к президенту стал главной темой разговора. Лариса Матвеевна не стала напоминать о недавнем «пророчестве», просто тепло поздравила супруга.

– Слава, как думаешь, эта должность предполагает место в Совете Безопасности?

– Ты же в курсе, Кися, что места в Совбезе распределяет лично президент. Поэтому «предполагает» будет слишком сильно сказано, правильнее будет «делает возможным».

– А Ерёменко жалко, – вполне искренне вздохнула Лариса Матвеевна. – Куда его?

– Не знаю, – пожал плечами Святослав Всеволодович.

– Ты сам его предупредишь, или мне это через Леночку сделать?

– Ни то и не другое! – довольно резко ответил Корниевский, и добавил уже более мягким тоном. – Мы, конечно, коротко знакомы, но у меня на этот счёт есть прямое указание президента. Так что не вздумай...

– Когда я тебя подставляла? Ладно, найдём опосля способ загладить вину. Так что там, в МИДе? – перевела Лариса Матвеевна тему разговора.

– А вот там всё как раз весьма прелюбопытно! – оживился Святослав Всеволодович. – Некто в Киеве предлагает нам купить оригинал Украинского досье. Это, если помнишь...

– Прекрасно помню! – оборвала мужа Лариса Матвеевна. Но так ведь все документы, которые принято означать этим общим названием, опубликованы в интернете, или я путаю?

– О, как! – удивился Святослав Всеволодович. – Мы, конечно, обсуждали когда-то эту историю, но давно, и я никак не думал, что она засядет в твоей памяти. И да, документы из Украинского досье действительно были опубликованы в сети.

– Тогда чем это дело кажется тебе прелюбопытным? Покупать «секрет Полишинеля» за госсчёт – это, скорее чревато, чем прелюбопытно.

– Так, да не так. Вспомни пресловутое «Золото Колчака». Наш зятёк тогда поначалу тоже в дерьмо окунулся, а потом не только от него очистился, но возвысился!

– Думаешь, досье опубликовано не полностью?

– Скажем так: имею это в виду, и не я один. Но если там

больше ничего нового и нет, сам по себе оригинал досье тех денег, что за него может запросить адекватный человек, стоит.

– Вам виднее, – не стала дальше спорить Лариса Матвеевна. – Спокойной ночи, дорогой!

Глава вторая, в которой генералу Сологубу делается предложение, от которого он не может отказаться, поскольку для человека военного предложение начальства равносильно приказу

В небесной канцелярии, наконец-то, согласились, что зима раньше осени не вернётся, – а май в средней полосе России даже не весна, а, скорее, лето – и распорядились спешно избавиться от остатков снега. Он шёл всю ночь и к утру основательно припорошил дворы, тротуары и газоны, на которых успела проклюнуться новенькая травка.

Михаил Иванович Сологуб по обыкновению проснулся рано и сквозь оконное стекло любовался зимы чудачеством прощальным. Любители выходным днём понежиться в постели такого удовольствия себя лишили: лёгкий дождичек быстро перекрасил мир из белого обратно в серо-зелёный.

К началу церемонии дождь прекратился, как по приказу. Но разогнавший тучи прохладный ветерок сам остался

и гонял теперь прошлогоднюю листву. Такому старому – уже в буквальном смысле – вояке, как генерал-лейтенант Сологуб, в форменном плаще было зябко. Зря он не послушал Розу и не надел под уставные брюки тёплое исподнее. Штатским вон не в пример легче. Они-то оделись по погоде: сплошные пальто да утеплённые куртки. Их (штатских) собралось на кладбище гораздо больше, чем военных. И не мудрено. Не последним человеком в Федеральном Собрании был отставной генерал-полковник Николай Павлович Дронов, вот каждая фракция и сочла необходимым выставить по внушительной депутации.

Престижное кладбище, красивые речи, салют под государственный гимн над свежей могилой – рука привычно взметнула ладонь к козырьку фуражки. Думалось: «Интересно, меня-то будут хоронить как-то так? – Лукавил Михаил Иванович, знал ведь, что как собаку не зароят, но и таких почестей его трупу не дожидаться. – Тьфу, пропасть! Что за пакостные мысли? Видно, кладбищенская атмосфера так влияет».

Розочка просит идти помедленнее; вскоре Сологуб и верная спутница его жизни оказываются в конце тянущейся к выходу с кладбища процессии. Перед входом на автостоянку группа знакомых им людей.

– Не по нашу ли душу сие собрание? – взглянул на Розу Сологуб, на что умудрённая жизненным опытом боевая по-

друга ответила: – Точнее, по твою.

– Михаил Иванович, – произносит генерал Ерёменко, когда они влились в состав группы, – у Святослава Всеволодовича есть предложение: не передать ли представительство на поминальном обеде супругам, придав им для усиления твоего заместителя, а самим помянуть Николая Павловича в другом месте, по-нашему, по-офицерски!

«Интересно, каким боком затесался в офицеры сенатор Корниевский? Хотя, поди, знай, кто он там в запасе? Да и термин „по-офицерски“ в данном контексте можно трактовать не то что двояко или трояко, а многояко! Нет, тут что-то не то. Не иначе, разговор какой намечается в неформальной обстановке». Пока «котелок» варит, лицо хлопчет на публику. Сначала на нём отражается понимание, потом готовность соответствовать, а затем лёгкое сомнение: а как же жена?

– Соглашайтесь, Михаил Иванович, – голос Ларисы Матвеевны Корниевской диктовал верное решение. – Гена за вас отработает. А мы вчетвером ему в том поможем, верно, девушки?

Лариса, жена заместителя Сологуба полковника Максимова, Лена, жена генерал-полковника Ерёменко, ну и Роза – куда тут денешься? – дружно закивали.

– Вот и лады! – подвёл итог заранее решённому делу Ерёменко. – Тогда по коням? Мальчишки направо, девочки и припкнувший к ним полковник Максимов – налево.

**

Это был престижный ресторан. Сологуб трапезничал тут пару раз по приглашению Мороза. И как раз в одном из таких кабинетов. Стол накрыт без новомодных штучек, но дорогой коньяк и чёрная икра присутствуют. По совести, для генеральского кошелька накладно. Но так Сологубу счёт не оплачивать. Потому пил, закусывал и поминал хорошего человека Михаил Иванович со спокойным сердцем. Подали горячее. «После этой перемены блюд, думаю, они и доложат, зачем позвали».

– Может ты, Михаил Иванович не в курсе, но после кончины Дронова куратором спецслужб от Федерального Собрания является Святослав Всеволодович...

Сологуб поприветствовал новое начальство лёгким полупоклоном и удостоился в ответ благосклонного кивка.

... – И теперь у сенатора Корниевского имеется к нам поручение.

Непосредственный начальник Сологуба умолк, предоставив сенатору самому изложить суть дела.

– Вопрос, который вам предстоит закрыть, касается так называемого «Украинского досье»...

– Но ведь... – вырвалось у Сологуба. Генерал тут же опомнился: – Виноват.

– Ничего, – усмехнулся Корниевский. – Я сам, когда мне доложили, воскликнул «Какого лысого?!». Действительно, все входящие в это пресловутое досье документы давно представлены в электронном виде с самым широким к ним доступом. И вдруг по линии МИДа проходит информация, что некто предлагает нам бумажный оригинал досье... – Корниевский бросил короткий взгляд на Сологуба: не возникнет ли у того желания ещё раз перебить начальство? Нет, не возникло, – ...которое, как красноречиво молчит Михаил Иванович, в бумажном виде считается утраченным.

– Теперь, надо полагать, считалось утраченным? – уточнил Ерёменко.

– Не факт, – не согласился сенатор.

– Что, есть сомнение: а не *фуфло* ли нам толкают? – делая вид, что не замечает укоризненного взгляда Ерёменко, нарочно не подобрал слов Сологуб.

– У нас в парламенте и не такое услышишь, – перехватил взгляд Ерёменко Корниевский. – Так что не корись, генерал. Тем более, Михаил Иванович прав: может статься, что нас хотят втянуть в грязную игру.

– То есть, никакого бумажного аналога досье нет, а есть очередная провокация СБУ под патронажем наших заокеанских «друзей»?

– Хуже, Пётр Петрович, – вздохнул Корниевский. – Наши аналитики полагают, что и провокация не исключена, и бумажное досье таки существует.

– МИД «протёк»? – Сологуб продолжил играть в нехорошего мальчика.

– Может да, а может нет, – пожал плечами сенатор. – В любом случае заниматься утечкой информации будут другие. Вам надлежит разобраться с досье, и если бумажный аналог существует – вывезти его в Россию.

– Сунуть нос в мышеловку, и коли сыр в ней есть, то выкрасть его, – продолжил хулиганить Сологуб.

– Вас что-то смущает, товарищ генерал? – выгнул бровь Корниевский.

«Добрый дяденька начал сердиться. А мы ещё чуток подсуропим!»

– Никак нет! Задача поставлена – будем решать. Тут только исполнителя подобрать, кого не так жалко.

– Генерал-лейтенант Сологуб! – начал подниматься над столом Ерёменко.

«Сейчас хулигана, вполне вероятно, больно возьмут за ухо, – прикинул Сологуб, – а значит, пора встать по стойке смирно и предупредить неприятность обычным в таком случае „Виноват!“».

Но всё пошло иначе.

– Тише, Пётр Петрович, – Корниевский одной рукой усадил на место Ерёменко, а другой придержал порыв Сологуба встать во фронт. – Михаил Иванович, сам может того не ведая, высказал совершенно верную мысль: кадрового разведчика на такое задание посылать не резонно, в качестве ис-

полнителя, я имею в виду. Тут нужен человек как бы сторонний. И наш, и не наш одновременно. Не стопроцентный дилетант, но и никогда не состоявший в штате спецслужб. И поскольку такого человека вы, Михаил Иванович, знаете, вам и поручается возглавить эту операцию.

«Дошутился, – понял Сологуб. – Этим он меня и припечатал. Своими руками привести на закляние кого-то из хороших знакомых – это и есть моя роль в предстоящей операции. Осталось уточнить, кого из сенатор имеет в виду».

– Фамилия Вяземский, вам, надеюсь, о чём-то говорит?

Корниевский опустил имя-отчество, но разве тут можно как-то ошибиться?

«Да, недолго погулял Старх на длинном поводке, о котором, может, ведать не ведает, но который – такие уж в Конторе правила – появился у него на шее с того дня, как несколько лет назад познакомился горемыка с Катей Вяземской, агентессой нашей ненаглядной. Впрочем, чем он горемыка? Ведь и познакомился на курорте, и даже *опосля* на ней же и женился. А то, что побегал *маненько* и по нашим весьям, и по джунглям заокеанским, так и то не без пользы – книжку про это написал. И живёт опять-таки с недавнего времени за границей. На кой ляд ему на наше предложение соглашаться, тем более что и поводок-то на нём тьфу, одна видимость?»

Эту мысль он попробовал донести до собеседников в виде слегка закамouflированного отвода по представленной кан-

дидатуре.

– А если Вяземский откажется? Нет, а чего ему, в самом деле, сидючи у себя в Рагвае, опасаться какого-то серьёзного давления с наше стороны? Был на том континенте, правда, прецедент, так тому и лет минуло немало, и Вяземский совсем не Троцкий.

– Опять вас, товарищ генерал, не туда понесло, – поморщился Ерёменко.

А вот господин (или всё-таки товарищ?) сенатор, напротив, улыбнулся.

– Ничего, Пётр Петрович, об особой манере генерала Сологуба выражать свои мысли в определённых кругах, считай, легенды ходят. Что до давления, – и вам обоим это хорошо известно – захотели б – надавили! Только кому для намеченной миссии нужен придавленный агент? Нет, как говаривал товарищ Ленин, мы пойдём другим путём! Каким? А вот извольте-ка для начала ознакомиться, – и Корниевский протянул Сологубу сложенный пополам листок бумаги.

Тот выудил из внутреннего кармана кителя очки, водрузил гаджет на переносицу и развернул листок.

«Светик, привет!..»

– Копия письма Екатерины Вяземской своей боевой подруге Светлане Фернандес, в последнем браке Солодко, – прокомментировал Корниевский.

«То, что оригинал письма писан не на бумаге, это и ежу

понятно. А забраться в электронный почтовый ящик мог кто угодно: и сотрудник за темой присматривать приставленный, и Виктор, муж Светланы, он же майор Солодко, да и сама Светлана, коли она вновь на службе, могла письмо предоставить. Чего гадать, паскудство – неотъемлемая составляющая работы любой спецслужбы. Отмазка так себе, но к ней привыкли и с ней действительно легче, как ни крути. А сенатор торопит: „Читайте, генерал, читайте“».

«... Вяземский вянет на глазах. Он ведь не собирался никуда уезжать из России. Да и я, признаться, тоже. Старх, это тебе известно, после того как мы вернулись с Байкала, заделался писателем. Начал с книжки про поиски золота Колчака. Писал, естественно, не в виде мемуаров, а как приключенческий роман. Получилось вроде ничего. Да ты ведь читала? Или нет? Ладно, не в том суть. Другие читали, некоторые даже хвалили. Издавать книгу, правда, пришлось за свой счёт, благо люди мы не бедные. Мне это кажется странным. При Советской власти было вроде как-то иначе, а теперь, говорят, только так. Да и бог с ним. Тираж у книги был невелик, и разошлась она быстро. Расходы на издание окупились, получился даже какой-то мизерный доход. Старх был ужасно рад и всерьёз увлёкся сочинительством. Выпустил ещё несколько книжек, вступил в Союз писателей, стал мотаться по литературным фестивалям, да книжным ярмаркам, оброс новыми связями. И тут бац! – депеша из Рагвая. Наш

„милый“ родственничек Михаил Сергеевич Вяземский отдал наконец-то богу душу, но перед тем успел выкинуть фортель: завещал всё состояние семейства южноамериканских Вяземских моему сыну Серёже. Это уж потом выяснилось, что фортель выкинул вовсе не Михаил Сергеевич, а Серж Одоецкий Люськин муж. Это ведь он по замыслу Михаила Сергеевича должен был возглавить клан Вяземских. Но тут его посмертно осчастлививает наследством куда более богатый, чем М.С., родственник. Серж и Люська в одночасье продали всё своё хозяйство и свинтили на ПМЖ в США. Грандиозная, я тебе скажу, получилась неувязочка! Сын Михаила Сергеевича Николай ещё при тебе связался с бандитами, и после погиб в одной из разборок. Серж слинял, оставлять наследство кому-то из дочерей при живом прямом наследнике было совсем уж не по понятиям, и скрепя сердце Михаил Сергеевич совершил, может единственный по-настоящему справедливый поступок в жизни: отписал наследство Серёже. А поскольку мальчик в то время только вошёл в подростковый возраст, в завещании были обозначены опекуны: Екатерина и Аристарх Вяземские. Именно так, оба два. К чести Старха ломаться он не стал, стойко принял удар судьбы – я имею в виду переезд в Рагвай, настояв только на двойном гражданстве для нас троих. А я нисколько и не возражала...»

Дальше письмо было подкорректировано. Видно, Катя пу-

стилась в описание своей жизни в Рагвае, может и интересное, но к делу государственной безопасности отношения не имеющее.

«... втянулась. Серёжа, хоть и вступил в права наследства, продолжает получать образование вдали от дома, так что всё хозяйство на мне. Старх так и не проявил к делу должного интереса. Одно время, правда, активно сотрудничал с издательством Сержа Одоецкого, – не хилое наследство? – но потом утух и теперь его творческий фитилёк еле тлеет. После отъезда из России не издал ни одной книги. Нет, говорит, на чужбине для меня настоящего творческого порыва...»

– Прочли? – сенатор протянул руку за письмом. – Там ещё есть что-то про оперетту, но это деталь, по-моему, несущественная, хотя и забавная. Главное в том, и вы, я надеюсь, это поняли, что наш «писатель» в *забугорье* явно скучает. А мы ему такое приключение подкатим, а? Ведь должно сработать?

– Вполне возможно, – вынужден был согласиться Сологуб. – Что ж, поручу разработку операции полковнику Максиму, пусть отличится!

– Нет, – покачал пальцем Корниевский. – Тут нужен боец поопытнее Максимова. Сами, Михаил Иванович, сами. Лично возглавьте эту операцию!

Вот теперь для Сологуба всё разложилось по полочкам. Для операции с сомнительным исходом нужен не только агент, которого не жалко, но и руководитель операции, которого можно слить без особого ущерба. Он ведь, считай, пенсионер на временной подработке. Греет место для Гены Максимова. Ну, с ним, положим, ясно. А Вяземский-то сенатору чем не угодил?

Глава третья, в которой говорится о том, что любая секретная операция начинается с названия

Если тебе мешает жить какая-то назойливая муха-мысль, например: почему сенатор Корниевский невзлюбил Аристарха Вяземского, спроси у того, кто может это знать.

Сологуб так и поступил: напрямую спросил у своего заместителя полковника Максимова, который по совместительству – хотя, скорее, наоборот – являлся зятем сенатора Корниевского.

– Не знаю, Дядя Миша, – честно признался Геннадий, – но за Старха мне теперь тревожно. Озадачу Ларису, она напряжёт мать – женсовет разберётся!

– Дело глаголешь, – принял доводы Максимова Сологуб.

Несколько лет назад Максимов с женой Ларисой в компании с Аристархом и Екатериной Вяземскими, а также Светланой тогда ещё Фернадес искали в районе Байкала три спрятанных белогвардейцами вагона с колчаковским золотом, а генерал Сологуб за ними присматривал. С тех пор между всеми участниками этой отдающей душком авантюризма экспедиции установились тесные дружеские отношения. Потому и называл Максимов генерала Дядя Миша, –

не при посторонних, конечно, – что дозволялось исключительно близким Сологубу людям.

– И давай договоримся на берегу, – продолжил Сологуб. – Твоё участие в этой тухловатой – поверь моему чутью – операции заключается в том, чтобы до времени сидеть в окопе, а на бруствере я сам поторчу напоследок.

– Дядя Миша! – возмутился Максимов. – Да как такое возможно? Вы весь удар, если операция действительно с двойным дном, примете на себя, а я в нужный момент выскочу у вас из-за спины и напрямиком в кресло начальника управления? Да за кого вы меня принимаете, товарищ генерал-лейтенант!

– Товарищ полковник! – рявкнул Сологуб. – А ну, молчать и стоять смирно! Не за того я его, видите ли, принял. А ты сам, пацан, за кого меня держишь? За старого маразматика или за мудрого товарища, который поперёд тебя на два хода видит? Отвечать!

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант!

– Не то!

– Простите, Дядя Миша. Брякнул не подумавши.

– Другой коленкор. Вольно. Мне в этом кресле всё одно долго не сидеть. Не ты так другой, но лучше ты. Ясно?

– Ясно, Дядя Миша.

– А коли ясно – делай как велено. Кстати, вся штабная работа на тебе. Сделай так, чтобы Старх по всем бума-

гам проходил как человек случайный, используемый чуть ли не втёмную.

– Постараюсь.

– Да уж, сделай милость, расстарайся ради друга. И придумай, наконец, название для операции!

– Уже придумал: «Осенний ковбой».

– Почему так?

– Была у Старха задумка написать книгу под таким названием, но судя по имеющейся информации, книг он больше не пишет.

– Напишет... «Осенний ковбой» говоришь? Немного в лоб, но так, может, даже и лучше. Утверждаю!

Глава четвёртая, в которой говорится о том, что не помешает закончить операцию «Осенний ковбой» до начала Мундиала, и что узнала Лариса Матвеевна Корниевская о причуде мужа

– Хороший план, Гена... – Сологуб закрыл папку, – ... будет, когда я его чуток подправлю. Зайди часика через два.

– Слушаюсь!

– А куда ты, голуба, денешься? Конечно, послушаешься! А пока ответь-ка на вопрос: кого из знакомцев Вяземского предлагаешь использовать в финальной стадии операции?

– Чету Солодко!

– Грамотное решение, одобряю. Давно пора ребят из Иркутска выдёргивать. Готовь вызов!

Максимов положил перед генералом лист бумаги.

– Запасся? Предугадывать мысли начальства навык полезный. Развивай его, Гена. – Сологуб подставил подпись и протянул бумагу Максиму. – Отправляй вызов!

– План операции, товарищ полковник, я, где надо, утвердил и, с кем надо, согласовал. Скоренько вытаскивай из запаса Муромова, пока старый медведь не залёг в спячку.

– В спячку? – удивился Максимов. – Весной?

– У тебя, голуба моя, в школе по географии что было? У них, на той стороне Земли аккурат Бабье лето. А у нас, если ты не забыл, Мундиаль, прости господи за слово непотребное, на носу. И мне там, – Сологуб ткнул пальцем в потолок, – намекнули, что неплохо было бы нам управиться до его начала.

**

– Мама, ты выяснила, отчего папа дуется на Старха?

– Дуется? – Лариса Матвеевна покачала головой, – Да нет, дочь моя, твой отец Вяземского ненавидит.

– Но за что?! Они ведь едва знакомы.

– Всему виной книга Старха, где он назвал одного из персонажей подкаблучником.

– Это про то, как мы искали колчаковское золото? Но ведь там больше половины вымысла, и имена все изменены. А тот персонаж, про который ты говоришь, и вовсе на папу не похож.

– Тут я с тобой не соглашусь. Похож. И даже очень.

– Пусть так. Но чтобы такой милый человек, как мой папа мог кого-то возненавидеть, да ещё по незначительному по-

воду – не верю!

– Это отец с тобой милый, ну, и со мной. А на работе – жёсткий, властный и очень самолюбивый чиновник. А тут ещё нашлись «доброжелатели», пустили слух об одном литературном герое очень похожем на сенатора Корниевского. Знаешь, как теперь отца в Федеральном Собрании называют?

– Неужели Подкаблучник?!

– Именно. За глаза, конечно, и с оглядкой, но всё же...

– Господи, как всё это гадко и несправедливо... Пстой, а ты, как про это узнала?

– Из самых достоверных источников, – усмехнулась Лариса Матвеевна. – Поспросила подруг из числа жён больших чиновников да сенаторов, у одной одно выведала, у другой – другое, вот картинка и сложилась.

– Ужас какой. Бедный папа. Бедный Старх. Мама, с этим надо что-то делать!

– Это я и без тебя понимаю. Ненависть твоему отцу глаза застит, может толкнуть на необдуманный шаг, который негативно скажется на его положении. Но это, Лара, моё дело, ты сюда свой красивый носик больше не суй, и Гене ничего не говори, побереги карьеру мужа.

– Но ведь он спросит!

– Тебе повторить курс соскока с неприятных тем?

– Поняла. Не надо. Только что делать с Сологубом? Это ведь он тему обозначил.

– Тебе, повторяюсь, ничего. Дядю Мишу я беру на себя. Он, кстати, вполне может оказаться полезен в этом деле...
Вполне...

Глава пятая, в которой говорится о том, насколько вредной может оказаться любовь к караоке для отношений внутри семьи

Нет ужаснее состояния, – люди знающие не дадут со-
врать – чем застрять с утра в глубоком похмелье. Первой
напоминает о вреде для здоровья чрезмерного употребле-
ния алкоголя зловередная птичка «Перепил», которая нещад-
но обрабатывает чугунным клювом твою многострадальную
черепушку. Параллельно с этим возникает ощущение, что
у эскадрона гусар летучих, разбившим бивак в твоём рту,
основательно перекормлены лошади. Попытка мысленно на-
писать сочинение «Как я провёл вчерашний вечер» закан-
чивается фиаско. И тут ты первый раз после пробуждения
с трудом размыкаешь свинцовые веки. Исключительно ради
того, чтобы тут же их смежить: открывшаяся действитель-
ность водит перед глазами хороводы, вызывающие приступ
тошноты. И ведь не попросишь живой воды, крикнув: «Катя,
рассолу!». Где теперь та Катя, и уж тем более, где теперь тот
рассол, если Россия-матушка, родина этого чудодейственно-
го напитка там, на другой стороне Земли, а в Южной Амери-
ке традиция изготавливать огуречно-помидорный нектар по-
чему-то не прижилась.

Аристарх Вяземский осторожно, чтобы не спугнуть надежду, пошарил рукой возле кровати. Есть! Ухватился за горлышко бутылки, потряс. Ещё раз есть! Потянул к губам, сделал пару глотков, дринка на полтора каждый, и уже без особой осторожности опустил бутылку на пол. Последовавший звук подсказал, что не удержала равновесия стекляшка, упала набок. В ноздри шибанул запах выливающегося алкоголя. Да и пропади оно пропадом! В джипе, помнится, был целый ящик, – Хосе подсуетился – не весь же его я употребил? Стоп! Джип... Хосе... Виски, конечно, не рассол, но в похмелье тоже кое-что кумекает. Птичка заметно угомонилась и вместе с прояснением сознания к Вяземскому стали возвращаться воспоминания. Вчера он с триумфом отыграл «Роз Мари». Катя за этот успех подвергла его оглушающей критике, – почему, он так и не понял. От потока язвительных колкостей он и вправду вскоре оглох, но хорошо видел на таком ещё недавно родном лице язвительно шевелящиеся губы. Помнится, вначале что-то кричал в ответ, потом молчал и тихо сатанел. Под конец взорвался. Начал крушить интерьер. Чтобы тяга к разрушению не перекинулась на причину его взбешённости, убежал из дома. Что было потом? Бежал... Бежал... и забежал в дом Хосе Кардосо! Дальше была бешеная езда на джипе, которая оборвалась возле знакомого ему по прошлому приключению охотничьего домика. Было много виски, провал в памяти... и кошмарное

пробуждение в этой кровати. Надо попробовать открыть глаза. Не очень хочется, но надо... А нет, ничего. Изображение почти чёткое и никаких тебе бешеных хороводов, так, лёгкое вальсирование. Встаём, Старх, не спеша, вся жизнь впереди, и по стеночке, по стеночке чапаем в сторону туалета, где с помощью зубной щётки и пасты постараемся изгнать чёртовых гусар.

**

Этим утром Екатерина Вяземская даже в мыслях переставшая называть себя Марией Остроуховой проснулась, не побоимся этого слова, обновлённой. Согласитесь, для женщины забальзаковского возраста в классическом летоисчислении такое легко можно приравнять к ЧП квартирного масштаба. «Захотела и сделала! – размышляла, нежась в постели, – тоже, кстати, против обыкновения – Катя. – Давно подозревала, что во мне живёт порядочная стерва... Хватит врать! Точно знала, поскольку иногда позволяла ей царапаться когтистой лапой. А вот прошлым вечером взяла, да и спустила с поводка. О, как она искромсала этого жалкого фигляра, вообразившего себя... вообразившего себя... Чёрт знает, кем он там себя вообразил, только мне это не понравилось! Любитель караоке! И ладно. На это его „таланта“, соглашусь, хватало. Так нет, караоке-оперетту его голосейшество поставить изволили! А о том, что я этот вид сцени-

ческого искусства обожаю, – забыл?! А знал ли? Обязан был знать! Проигнорировал, мля! Сам себе режиссёр, сам себе Джимми плюс группа таких же шизанутых на остальные роли и вот те на те „Роз Мари“! Под караоке! Вчера в местном культурном центре состоялась премьера этого кошмара. Наша не продвинутая публика чуть не писала от восторга, а я так с трудом досидела до финала, сохраняя ещё и подобающее жене „триумфатора“ выражение лица! И как я догадалась отпустить прислугу пораньше? Видно, чутьё подсказало, что для НЕГО этот вечер добром не кончится. Как в воду смотрела! Едва вернулись домой, я и показала этому раздувшемуся от важности индюку, какой бывает настоящая стерва! Бог мой! Как быстро мужик поплыл. Сначала выпучил глаза, видно, то ещё было зрелище. Мог бы, мля, и сфотографировать. *Чёто* там говорил, – поначалу – потом только рот открывал да лицом менялся: краснел, бледнел, снова краснел... В конце зарычал, кинулся к окну, сорвал штору, швырнул на пол, кинулся ко мне с искажённым от бешенства лицом. Мелькнула мысль: ударит, но он только со всей дури пнул кресло, выматерился очень даже витиевато и вылетел из комнаты. Потом я видела в окно, как он, прихрамывая, нёсся куда-то по улице. Однако пора вставать. Скоро придёт прислуга, а она приучена, что завтрак я готовлю сама. Мне лишние пересуды не нужны».

**

– Донья Катарина, к вам дон Кардосо!

Как-то реагировать на слова служанки – типа «проси» или «скажи, что хозяйка не принимает» – было поздно: некоронованный король Рансьона Хосе Гонсалес Кардосо уже маячил на пороге. А уж на это пенять прислуге и вовсе было глупо: ни в одном здешнем доме не стали бы заставлять столь знатного Дона – именно с большой буквы! – ожидать в прихожей. Оставалось только небрежным жестом отослать служанку и улыбнуться гостю:

– Рада вам, Хосе! Чему обязана удовольствию видеть вас в своём доме?

Кардосо, не глядя, метнул в изготавившуюся служанку шляпу. Та ловко поймала добычу и тут же с ней удалилась. А гость, сверкнув отполированной лысиной, уколол усами высоко поднятую руку хозяйки, после чего охотно признался:

– Дело, которое заставило меня отважиться на визит, в сравнении со счастьем видеть Вас, милая Катя, выглядит сущим пустяком, отлагательства тем не менее не ждущим.

Кардосо протянул Кате тонкую папку, перетянутую в верхнем углу резинкой.

– Что это? – поинтересовалась Катя и тут же, откинув резинку, поспешила папку открыть, чтобы не заставлять Хосе отвечать на риторический вопрос.

По мере ознакомления с единственной в папке бумагой,

брови её удивлённо изогнулись.

– Вы дарите Аристарху свой охотничий дом?

– Один из принадлежащих мне охотничьих домов, – поправил Кардоса. – тот, в котором он когда-то побывал в связи с известным вам делом, и где, я надеюсь, пребывает в настоящий момент.

– Надеетесь, что пребывает? Как это понимать, Хосе?

– Почему пребывает? Это скорее мой вопрос к вам, Катя, но его я задавать не буду. А почему надеюсь... Вчера поздно вечером Старх ворвался – и это ни сколько не гипербола! – в мой дом во всех смыслах взъерошенный, попросил разрешить ему пожить в этом охотничьем доме и одолжить машину, чтобы туда добраться. Он ничего не объяснял, я не настаивал, сказал «разумеется», велел приготовить джип и лишь предложил водителя. Старх отказался и, забыв поблагодарить, умчался в ночь. С одной стороны, дорога до места ровная, с другой стороны, темнота и его состояние...

Хосе прервал речь и, видимо, посчитав, что высказался достаточно определённо, продолжил с другого места.

– Я подумал, что мне этот домик, кто знает, когда понадобится, а Старху, может статься, негде жить. Вот я с утра и зашёл к нотариусу, а от него напрямиком к вам.

Эта улыбка далась Катерине много тяжелее, чем предыдущая.

– Вы напрасно всполошились, Хосе, да, у нас случилась размолвка, но выселение из дома Старху точно не грозит.

В любом случае спасибо за заботу, вы наш истинный друг!

– Честно говоря, в душе я на нечто подобное надеялся, однако, как видите, подстраховался... – Хосе запнулся, и уже скороговоркой произнес: – Простите, что влез не в своё дело, и позвольте на этом откланяться, – поспешил к выходу.

Катя с задумчивым видом кинула папку на столик и подошла к изящному трюмо.

– Поговорим? – предложила она своему отражению.

– Легко! – согласилось то.

– Ты можешь объяснить, что я натворила?

– Попробую. Спустила на мужа стерву, чем довела его до истерики.

– Очевидное глаголешь, – немножко нервно усмехнулась Катя. – Скажи, это плохо?

– Что именно? Что спустила стерву? Нет, не думаю. Подобное хоть раз происходит в жизни почти каждой женщины. И чаще всего становится достоянием широкой общественности. Ты же озаботилась, чтобы всё осталось внутри дома: отпустила прислугу, окна не открывала настежь, а стены... как думаешь, соседи что-нибудь слышали?

– Уверена, что нет.

– Тогда точно не страшно: и себя потешила и мужа встряхнула. А ещё, убедилась, что Старх стоящий мужик.

– Это с каких барышей такие дивиденды? – прищурилась Катерина.

– А с таких, – прищурилось в ответ отражение. – Был бы

скотом, дал бы тебе в глаз. Был бы тряпкой, ползал бы на коленях и просил о пощаде. А Старх устроил маленький погром и убёг от греха. Согласна?

– Не поспоришь, – кивнула Катя.

– Что до соплей про любовь к оперетте, – продолжило резать правду-матку отражение, – так то повод, а не причина, это понятно. Понятно, понятно! – остановило отражение Катины возражения. – Причина в том, что Старх после отъезда из России заметно деградировал. Писать почти перестал – у него, видите ли, творческий кризис! Так не на годы ведь? Если и так – найди другое занятие, мужик всё-таки. А так весь фамильный бизнес лёг на твои плечи. Ну хоть как-то он мог в этом тебе помочь, а не заплывать жиром, мотаясь по дому без бывшего блеска в глазах. Так что встряхнуть его было просто необходимо.

– Значит, всё я сделала правильно?

– Правильно? – неожиданно расхохоталось отражение. – Ну, ты смешная! Правильно было бы, кабы то, что я сказала, соответствовало истине. Кого, подруга, обмануть решила?

– Ты это о чём? – нахмурилась Катя.

– О чём? Да ты не супь бровей-то, не супь! Я, глянь, не хуже тебя супиться умею. Я, подруга, про того жиголо заезжего, что тут с гастролями выступал, и на которого ты, кошёлка старая, глаз положила!

– Всё! Не могу больше слушать этот бред!

Катя резко отвернулась от трюмо.

«И ничего он не жиголо... Наверное».

Но эта фигура, эти плечи, руки. А глаза! Она ведь тогда мимолётно пересеклась с ним, и красавчик даже назначил ей свидание, да только она не пришла. Правильно не пришла. В таком городишке, как Рансьон, это незамеченным не прокатило бы. А ей репутацией хотя бы ради сына надо дорожить. Но и не воспользоваться шансом – может последним в жизни! – закрутить мимолётный – дольше, боже упаси! – роман с пределом женских фантазий было крайне обидно. Так и проживёшь жизнь праведницей не испытав оглушающего оргазма! Тьфу на тебя! Уж коли так приспичило, собралась бы, да следом за гастролёром, и подальше от добропорядочного Рансьона, где тебя никто не узнает... Сын-то точно не узнает. А вот с мужем что делать? Этот-то якорь как отцепить? И разве не это стало причиной, ещё более побудительной, чем деградация Старха, устроить грандиозный скандал, скорее от тоски и безысходности, но всё-таки со слабой надеждой, что это как-то поможет решить проблему. Вот только как? Внаглую подать на развод? Старх, хрен благородный, он, конечно, согласится, и сор из избы не вынесет. Так что местное общество долго судачить не будет. Сам Старх, скорее всего, уедет обратно в Россию, его и сейчас здесь ничто и никто не держит, кроме нас с Серёжей. Серёжа... А если сын меня не простит? Близкое сердце обмануть труднее, может о чём-то догадаться. К тому же он привязался к Старху. Похоже, что развод за мимолётное удовольствие может ока-

заться слишком большой платой. В идеале было бы Старха куда-то спровадить на время, лучше в другую часть света, но как такое организовать?..

– Донья Катарина!

– Что ещё? – недобро взглянула Катя на прервавшую её размышления служанку.

– Какой-то сеньор спрашивает дона. Говорит, старый знакомый.

«Это любопытно. Давненько никто из незнакомцев Стархом не интересовался». – Зови!

Глава шестая, в которой говорится о том, что не всякий бывший враг – враг, и не всякое трудно решаемое дело так уж трудно решить

Постарел, конечно, но узнать можно. Её бывший куратор полковник Муромов. «Ах, тварь...»

– Я же просила вас никогда не попадаться мне на глаза!

– Когда, Катя, это всецело зависело от меня, ты знаешь, оно так и было. Может, поздороваемся? Здравствуй, Катя!

– Значит? – не ответив на приветствие, Катя вопросительно смотрела на старика.

– Значит. Катюша, значит, – кивнул Муромов.

– Но почему ты спросил не меня, а Старха?

– Потому что поручение, с которым я прибыл, касается только его. Где он, кстати?

«Так не бывает, чтобы желание исполнилось, когда я его ещё до конца и не домыслила», – подумала Катя, но так случилось и это заставило её поменять отношение к гостю.

– Не близко, но и не слишком далеко, – уже вполне дружелюбно ответила она на последний вопрос Муромова. – Да вы проходите. Сейчас накроют стол, – Катя позвонила в бронзовый колокольчик, – посидим, побеседуем. И... здравствуйте!

**

За рулём сидел Муромов. Он заверил, что хорошо помнит дорогу к ранчо, откуда в своё время лично увёз Старха и Светку.

На то, что ранчо без земельного надела никакое не ранчо, Кате было плевать, так именовать бывший охотничий домик Кардосо ей было удобнее. Да и мысли расположившейся на пассажирском сидении женщины были далеки от рагвайских реалий.

«Всегда опасалась весточки с родины, а она, поди ж ты, оказалась в цвет желаниям. – О том, что приедь Муромов на день раньше и не было бы ссоры с мужем, она почему-то не думала. – Теперь не надо напрягать отношения со Стархом и доводить их до разрыва. Можно даже пойти на примирение, но с намёком, что лучше им разумное время пожить в достаточной отдалённости друг от друга. Так Старх скорее примет предложение Москвы, что развяжет ей руки в осуществлении своей сексуальной фантазии. Когда каждый покончит со своим делом, можно будет подумать о дальнейшей судьбе их брака».

– Кажись, подъезжаем.

Катя взгляделась. Впереди в обрамлении деревьев маячила усадьба.

**

Старх сидел под навесом, отхлёбывал из жестянки пиво и лениво размышлял о том, стоит ли приготовить на обед что-нибудь горячее, или же вновь обойтись одними консервами, когда на горизонте показалось облачко пыли.

«Прям как в тот раз, когда мы тут со Светкой загорали, – подумал Старх, отрывая зад от сидушки, – И кто на сей раз пожаловал?».

Когда машина затормозила, казалось на том же месте, и из неё вылез всё тот же Альварес-Муромов, Вяземскому пришла мысль: а не словил ли он, снимая стресс, белочку? Но следом за Муромовым из джипа вылезла Катя. Оба-два они направились в сторону Старха, а у него самого мысль о белочке сменилась другим нехорошим предчувствием.

– Вот что, мужички, – Катя критическим взглядом осматривала помещение, – попейте-ка вы пивка на свежем воздухе, а я тут приберусь да изображу чего-нибудь покушать.

Для начала Катя осмотрела дом. Полностью деревянное строение начиналось с прихожей, откуда вело два входа-выхода: прямо дверь в кладовку, рядом с дверью влево уходил коридор. Коридор заканчивался дверью в комнату. Дверь в другую комнату находилась напротив ниши, в которой стоял длинный узкий стол, газовый баллон, подключённый к стоящей на столе плите и неработающий холодильник с приоткрытой дверцей. На всякий случай Катя в него за-

глянула – пусто. Вполне ожидаемо. Ведь со слов Хосе сюда год никто не заглядывал, а в джип, на котором приехал Старх, Кардосо помимо пошла велел загрузить воду, галеты и кучу всяких консервов. Всё это Катя обнаружила в кладовке, а ещё муку, крупы и соль. В коробочки, которые вместе с посудой заполняли полки на стенке над столом, Катя до поры заглядывать не стала, не сомневаясь, впрочем, что найдёт там все необходимые специи. Итак, из свежих продуктов в наличии было только то, что она захватила с собой. Негусто, но на одно приличное застолье хватит, а большего, она надеялась, и не понадобится.

С уборкой Катя справилась быстро, ведь побороть пришлось лишь толстый слой пыли, да небольшой *срач* в комнате, где обосновался Старх. Старх... Пока руки занимались привычным делом, Катя думала о муже. Никогда она не знала его таким, каким увидела, вылезая следом за Альваресом из джипа. Небритый, взъерошенный, с настороженным диковато-тоскливым взглядом. Ни дать ни взять пёс, которого хозяин вытянул вожжей по хребтине, не объяснив толком, за что. Выгони его теперь из дома – поскулит у закрытых дверей, а потом убежит. А дальше как карта ляжет – может и не вернуться. А если отругать как следует: до чего, мол, ты, паскудник, хозяина довёл, а потом приласкать – простит обиду, правда, долго потом будет шараться при резком взмахе хозяйской руки. Но так то пёс, с мужиком оно по-разному повернуться может. Впрочем, метода схожа: в том, что я

на тебе сорвалась, виноваты мы оба: ты – сильно и я чуть-чуть. Но я готова сей казус забыть, пусть и не сразу и если ты для этого очень постарайся.

**

Катя в домике хлопотала возле газовой плитки. – Совмещённый с бензиновым движком генератор, который Старх запускал исключительно по вечерам: света ради, да телевизор посмотреть, теперь не работал. Вполне хватало и дневного освещения. – Муромов и Старх сидели под тем же навесом. Количество пустых банок из-под пива, которые постепенно заполняли специально под это приспособленную картонную коробку, наглядно свидетельствовало о том, что разговор, видимо, давно перевалил экватор и близится к завершению.

... – Ну вот. Всё, что было мне поручено, я изложил – решение за тобой.

Старх прекратил мрачно тянуть пиво, отставил полупустую банку и перехватил глазами взгляд старого разведчика.

– Как думаешь, если откажусь, что будет?

Муромов не стал юлить, прятать глаза; плечами, правда, пожал.

– Да хрен бы его знал. Тут они, положим, тебя доставать не будут. Я имею в виду: мужика с ледорубом не пришлют. Затратно сие, да и дело того не стоит. А вот на родине, если

там у тебя чего осталось, кислород могут и перекрыть. Ну и родне нервы попортить – это им, как чихнуть.

Вяземский кивнул – понятно, мол.

– Мужчины, стол накрыт! – крикнула с порога Катерина.

Старх всё так же молча встал и кивком головы пригласил Муромова в дом.

Хозяйка расстаралась и из ничего сделала почти что нечто.

– Вам не надоело пиво глушить? – нарочито бодрым голосом спросила Катерина. – Может за встречу чего покрепче, а? Я бы от вина не отказалась!

Старх поднялся и пошёл в кладовку.

– Ну что, успели поговорить? – шёпотом спросила Катерина.

– Я всё изложил, – пожал плечами Муромов, – только он...

Послышались шаги.

– Ясно, – кивнула Катерина. – Ты его сегодня больше не трожь.

Вошёл Старх, неся четыре бутылки: две виски и две вина.

**

Обида обидой, но женская ласка вкупе с алкоголем переборют любую хандру. Тем более Катерина все пошлые желания мужа знала наизусть. Не удивительно, что утром Старх

захотел продолжения, а Катя и не возражала. Лишь потом негромко – за тонкой стенкой спал Муромов – стала выговаривать:

– Обидел ты меня, конечно, крепко. – Старх лишь вздохнул. – Но так и я тоже масла в огонь подливала. Вот только теперешнее примирение вещь, боюсь, хрупкая. А поломаем, второй раз можем и не склеить. Может тебе принять предложение Москвы, а? И сам развеешься и я охлыну, глядишь, и зарубцуется обида.

До завтрака Катя успела обменяться с Муромовым парой фраз.

– Думаю, ваша миссия увенчается успехом!

– Уже понял, – буркнул Муромов. – Полночи кроватью скрипели.

– Ну, *звиняйте!* – вспыхнула Катерина.

– Так разве я в укор...

**

Все оставшиеся до отъезда дни Катя держала мужа в лёгком напряжении. На людях не давала усомниться, что никакой размолвки и не было. Стоило им остаться наедине – Катя вводила в отношения нотку отчуждённости, а до тела допустила лишь в ночь перед расставанием. Супружеский долг исполнила по обязанности, без особого блеска. Утром, видя, что Старха что-то гнетёт, слегка злорадствовала, но и жале-

ла мужа тоже. А тот пребывал в думах, иногда бросая на неё быстрый взгляд. Когда присели «на дорожку», так и вовсе ушёл в себя. А когда поднялся, сказал: – Ну, до свидания, что ли. Или всё-таки прощай?

Смотрел требовательно и тревожно. Катя его взгляд выдержала.

– Никаких или. До свидания!

Старх молча кивнул и был таков.

ДОРОГА В ТОТ КОНЕЦ

Глава седьмая, в которой Вяземский встаёт на тропу

«Как ребёнок не желает расставаться с любимой игрушкой океан не хотел отпускать судно, слегка штормил и плевался солёными брызгами. Огромный пассажирский лайнер, мерно покачиваясь на грандиозных качелях бога морей, упрямо прорывался к Нью-Йорку. Большинство пассажиров, игнорируя долетающие с воды брызги, заполонили верхнюю палубу, в бинокли и без всматривались в заволакивающую горизонт белесую дымку, за которой всё отчётливее проступали контуры небоскрёбов Манхеттена. Прошло время, и океан сдался, отстал, ворча и стоня теперь где-то за кормой, город же, наоборот, вырос из воды, принимая судно в каменные объятия. Вот уже слева по борту железная мадам – француженка, как-никак! – в медном одеянии приветствует мореплавателей факелом в высоко вскинутой правой руке, а швартовая команда в ярких оранжевых жилетах собралась на баке, готовясь метнуть на причал лёгость».

Старх наморщил лоб. А может, сперва, лёгость мечут

с кормы? Надо будет уточнить! В любом случае с его места не видно ни воображаемого лайнера, на котором он теоретически мог приплыть в Нью-Йорк, ни Статуи Свободы, ни самого города, а есть только робкая надежда не любящего летать пассажира, что через несколько минут самолёт таки благополучно приземлится в аэропорту Ла-Гуардия.

**

Смуглолицый таксист, улыбаясь приезжему господину во все тридцать два отборных белых зуба, быстро доставил Старха в заданный адрес. Стоит ли удивляться, что искомый офис располагался в здании на Манхеттене, вблизи других информационных агентств, редакций и издательств. Лифт тоже не стал капризничать и высадил Вяземского на правильном этаже. Улыбчивая секретарша открыла дверь кабинета шефа, едва Старх назвал фамилию, и вот уже из-за стола поднимается, идёт навстречу, тянет руку и улыбается заметно повзрослевший, обзаведшийся крепкой спортивной фигурой, но расставшийся с большей частью волос на голове, Серж Одоецкий.

Маршрут проникновения Вяземского на Украину был разработан в Конторе, и как не претило Старху втягивать Катиного родственника в сомнительное мероприятие, – пусть втёмную и косвенно – но и не признать план стоящим тоже

не мог. Потому, хоть и терзаемый муками совести, Вяземский принял как данность тот факт, что маршрут начинается сейчас и именно в том кабинете, порог которого он только переступил.

После приветствий и похлопываний по верхним частям туловища, Серж указал Вяземскому на мягкое кресло возле журнального столика, сам сел в соседнее, тут же взгромоздил ноги на столешницу и потянул из коробки сигару. Но перехватив недоуменный взгляд Старха, поспешил ноги убрать, да и сигару вернул на место.

– Забыл, что ты не куришь, – смущённо произнёс Серж, – а я, как видишь, успел нахвататься дурных привычек. Не знаю теперь, смею ли предложить выпивку?

– Давай займёмся делами, – мягко сказал Старх, а выпивку оставим на вечер.

– Да, отлично! – воскликнул Серж. – Вечером посидим в ресторане, и... я угощаю!

– Принимается, – улыбнулся Вяземский.

– Что до дел, – было видно, Серж доволен благополучным разрешением возникшей неловкости и к нему возвращается былая уверенность, – то, как говорят в России, они идут и контора пишет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.